

Научная статья

УДК 94(100)

EDN: PWSYAO

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-3-108-119>

«Усиленно знакомятся»: Взаимовосприятие иностранных военнопленных и сибирского населения во время Первой мировой и начала Гражданской войн (по запискам И.И. Серебренникова)

Р.Г. Гагкуев¹, П.А. Новиков²

¹ Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия

² Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

Аннотация. В рамках комментирования исторических источников и анализа поведенческого выбора иностранцев между крайностями дистанцирования и вовлеченности в события Гражданской войны авторы обращаются к свидетельствам И.И. Серебренникова по теме взаимовосприятия военнопленных и сибирского населения. Их особая ценность помимо компетентности автора определяется тем, что фиксация информации проводилась «по горячим следам», фрагментами прямой речи, вписанностью в контекст российской и мировой истории. Современными исследователями сделаны важные обобщения о роли военнопленных в Гражданской войне, вводятся в научный оборот исторические источники. В данной статье последовательно рассмотрены воспоминания об интернировании иностранных граждан, упомянуты оценки «немецкого засилья» в России, даны описания первых встреч военнопленных и местного населения с характеристикой взаимного восприятия, затронута тема осведомленности о содержании вражеской пропаганды. Главный вывод И.И. Серебренникова, сделанный в декабре 1914 г.: «Сибирь во всех последних войнах преследует особая удача: во время Русско-японской войны с нашею окраиною познакомилось множество землеробов из Европейской России; теперь усиленно знакомится с нею за граница в лице пленных германцев, австрийцев и турок». Встретившиеся стороны восприняли друг друга достаточно благодушно – иностранцы были восхищены Сибирью вплоть до появления планов остаться в ней после войны, а местное население вело себя в отношении военнопленных дружелюбно. Сообщения о большом количестве сдавшихся в плен врагов поддерживали оптимизм и уверенность российского населения в тылу. Подчеркнута высочайшая нагрузка от размещения военнопленных на городскую и казарменную инфраструктуру Сибири и Дальнего Востока. С конца 1916 г. военнопленные становятся проблемой – «не желают работать, перестают повиноваться». В заключение упомянута драматичная историческая коллизия, когда событиями Великой российской революции была перенесена на просторы Сибири давняя борьба чехословаков и венгров.

Ключевые слова: иностранные военнопленные, население, восприятие, Иван Иннокентьевич Серебренников, Сибирь, Иркутск, Первая мировая война, Гражданская война, повседневность, пропаганда, динамика

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00216, <https://rscf.ru/project/24-18-00216/>.

Для цитирования: Гагкуев Р.Г., Новиков П.А. «Усиленно знакомятся»: Взаимовосприятие иностранных военнопленных и сибирского населения во время Первой мировой и начала Гражданской войн (по запискам И.И. Серебренникова) // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 3. С. 108–119. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-108-119. EDN: PWSYAO.

«Intensive acquaintance»: Mutual perception of foreign prisoners of war and the Siberian population during the First World War and the beginning of the Civil War (from notes by I.I. Serebrennikov)

Ruslan G. Gagkuev¹, Pavel A. Novikov²

¹ Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. Within the framework of commenting on historical sources and analyzing the behavioral choice of foreigners between the extremes of distancing and involvement in the events of the Civil War, the authors turn to the testimonies of I.I. Serebrennikov on the topic of mutual perception of prisoners of war and the Siberian population. Their special value, in addition to the author's competence, is determined by the fact that the fixation of information was carried out "hot on the trail", fragments of direct speech, inscribed in the context of Russian and World history. Modern researchers have made important generalizations about the role of prisoners of war in the Civil War, and historical sources are introduced into scientific circulation. This article consistently examines the memories of the internment of foreign citizens, mentions assessments of the "German dominance" in Russia, describes the first meetings of prisoners of war and the local population with characteristics of mutual perception, touches on the topic of awareness of the content of enemy propaganda. The main conclusion of I.I. Serebrennikov, made in December 1914: "Siberia has been especially lucky in all recent wars: during the Russian-Japanese war, many earthworms from European Russia got acquainted with our outskirts; now the foreign countries are intensively getting acquainted with it in the person of captured Germans, Austrians and Turks." The parties that met perceived each other quite complacently - foreigners were delighted with Siberia until the appearance of plans to stay in it after the war, and the local population behaved friendly towards prisoners of war. Reports of a large number of surrendered enemies supported the optimism and confidence of the Russian population in the rear. The highest burden from the placement of prisoners of war on the urban and barracks infrastructure of Siberia and the Far East is emphasized. Since the end of 1916, prisoners of war have become a problem - "they do not want to work, they stop obeying." In conclusion, a dramatic historical collision is mentioned, when the events of the Great Russian Revolution transferred the long-standing struggle of Czechoslovaks and Hungarians to the expanses of Siberia.

Keywords: foreign prisoners of war, population, perception, Ivan Innokentievich Serebrennikov, Siberia, Irkutsk, World War I, Civil War, everyday life, propaganda, dynamics

Acknowledgements. This work has been supported by the grant of the Russian Science Foundation, RSF24-18-00216, <https://rscf.ru/project/24-18-00216/>.

For citation: Gagkuev R.G., Novikov P.A. (2024) "Intensive acquaintance": Mutual perception of foreign prisoners of war and the Siberian population during the First World War and the beginning of the Civil War (from notes by I.I. Serebrennikov). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 3. P. 108-119. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-108-119. EDN: PWSYAO.

Тема участия иностранцев, ранее плененных русской армией во время Первой мировой войны, в последующей Гражданской войне включает множество важных взаимосвязанных аспектов. Это и взаимодействие военнопленных и принимающего общества; и этнические, и социальные, и политические стороны такого взаимодействия; и механизм выбора и последующей реализации различных стратегий реагирования на внутрироссийский конфликт; и действовавший комплекс идеологического воздействия на пленных с учетом их этнической принадлежности; и разнона-

правленная динамика изменения настроений пленных и т. д.

В советской историографии тема интернациональной солидарности трудящихся, в том числе военной, являлась одной из приоритетных и была широко представлена как в специальных работах, так и отдельных фрагментах и упоминаниях (Вегман, 1927¹; Интернационалисты: Трудящиеся..., 1967; Агалаков, 1968; Познанский, 1973). Интерес

¹ Вегман В. Военнопленные империалистической войны // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1. С. 517.

к истории пребывания военнопленных Первой мировой войны в Сибири значительно вырос в постсоветский период (Греков, 1997; Иконникова, 1998; Шлейхер, 2001; Иконникова, 2004; Новиков, 2005; Гергилева, 2007; Ануфриев, 2014; Шиловский, 2015; Ануфриев, Козлов, 2019; Anufriev, Kozlov, Kaba, 2021; Гагкуев, 2022). Предпринимаются настойчивые усилия по преодолению идеологической предвзятости (Новиков, Романов, 2011; Хипхенов, 2018; Хипхенов, 2022).

Современными исследователями сделаны важные обобщения о роли военнопленных в Гражданской войне и постоянно уточняется значение иностранного фактора в ней (Гагкуев, Чжан, 2019). Активно вводятся в научный оборот исторические источники (Ануфриев, 2009; Новиков, 2011), включая бывшие ранее не доступными на русском языке (Ланник, 2021; Гагкуев, 2022). Воспоминания о пребывании в плену повлияли и на зарубежную художественную литературу, в частности на романы Э. Двингера, а через нее оказали значительное влияние на европейскую культуру и политику (Двингер, 2004; Вурцер, 2004).

В рамках предметно-тематического комментирования исторических источников и комплексного научного анализа выбора иностранцами линии их поведения между крайностями дистанцирования и вовлеченности представляется целесообразным обратиться к свидетельствам 1914–1918 гг. об общей атмосфере взаимовосприятия военнопленных и сибирского населения, принадлежащие перу известного иркутского общественного деятеля Ивана Иннокентьевича Серебренникова (годы драматичной жизни которого 1882–1953) (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 609. Оп. 1. Д. 1). Их особая ценность помимо эрудиции и компетентности автора (Новиков, 2009) определяется тем, что фиксация информации проводилась «по горячим следам», фрагментами интересной и содержательной прямой речи, органической вписанностью в контекст российской и мировой истории. Сюжет взаимовосприятия представляется сложным и в достаточной степени самостоятельным, чтобы предметно сфокусироваться в данной статье именно на нем, а важнейшие «выходы» в смежные сюжеты лишь упомянуть и сопроводить библиографическими отсылками на предметно освещающие их

научные публикации. Все даты в статье приводятся по старому стилю.

Открывает иностранную тему в военном дневнике И.И. Серебренникова запись от 4 августа 1914 г., в тот самый день, когда четыре Сибирских стрелковых полка иркутского гарнизона под звуки бодрых песен отправлялись на фронт. Одновременно местные «военнопленные» (германские и австрийские подданные, проживавшие в Иркутске) были заключены под стражу в Воскресенско-Крестовоздвиженском городском начальном училище на Амурской улице. Под присмотром стражи днём они «мирно прохаживались по усадьбе училища, читали на лужайке книги, беседовали друг с другом о военных событиях. Двумя днями ранее – 2 августа через Иркутск по Транссибирской магистрали на восток уже проследовала первая партия из 32 военнопленных, перевозимая в составе обычного поезда (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 813. Л. 526, 530). Напомним, что первые выстрелы на российско-германской границе прозвучали вечером 19 июля под Калишем, на русско-австрийской – 24 июля в Галиции (Керсновский, 1994. С. 178–179).

Примечательна развернутая запись за 9 августа 1914 г.: «Распространяются слухи, что скрылся командующий войсками Степного² военного округа генерал Шмидт³. По-видимому, этот истинно русский генерал был из немцев. Немцы – это население России, половина видных должностей по империи занята ими. В течение почти двухсот лет они наводняют Россию через окно, прорубленное в Европу. До этого в Сибири видные воеводские места занимали князья Гагарины, Трубецкие, Волконские, Барятинские... Но стоило только прорубить окно в Европу, как первым иркутским губернатором оказался немец фон-Фрауендорф. В русско-японскую войну войсками командовали Каульбарсы, Гриппенберги, Бильдерлинги, Мейендорфы, Гершельманы, Гернгроссы, Стессели, Ренненкампы. Et cetera, et cetera.

² Такого военного округа не было, а слухи, естественно, ложные. (Прим. авт.).

³ Правильно Шмит Евгений Оттович (1844–1915), с 1907 г. генерал от кавалерии, с 1908 г. – командующий войсками Омского военного округа, Степной генерал-губернатор и наказной атаман Сибирского казачьего войска. (Прим. авт.).

Это так же дико, как если бы немецкими войсками, сражающимися против нас, командовали теперь генералы Ивановы, Поповы, Собакины, Толстобрюховы. Увы! Я предвижу, что и в настоящую войну во главе наших войск будет много русских немцев.... В Государственном совете заседают Будберг, фон-Валь, Витте, Гербель, фон-Гойнинген-Гюне, Дейтрих, Иксуль-фон-Гильденбандт, фон-Кауфман ... Ну, не довольно ли? Это уже подлинное «инородческое засилье» (Серебренников, 2008. С. 25–26). Но, к сожалению, по Серебренникову, о таком засилье было принято молчать. Таким образом, и в Сибири российская общественность демонстрировала элементы ксенофобии и зерна будущих антинемецких погромов, что случились спустя 10 месяцев в Москве.

15 августа 1914 г. Серебренников эмоционально замечает и сокрушается: «Боже мой! Как мы далеки от войны! Целые тысячи вёрст отделяют нас, сибиряков, от театра войны. Мы не слышим биение пульса её. Париж отстоит от театра войны в 150–200 верстах, Берлин – в 300–400... Все эти расстояния мизерные на наш сибирский масштаб. И мы можем лишь теоретически понять, что переживают теперь эти мировые центры!

Картина 24 августа – сквозь решётку ограды пленных весьма упорно, внимательно и сосредоточенно и спокойно разглядывают солдаты русской армии. Не слышно каких-либо ругательств, насмешек. «Так вот каковы эти немцы!» – думают наши запасные и приглядываются к врагу... Среди пленных немцы составляют, конечно, большинство, но есть и австрийские чехи. Я разглядывал нескольких своих знакомых: настройщика роялей и энтомолога Отто Г., парикмахера Х., которого иркутяне до войны называли, шутя «Ифан Ифанычем», инструктора скэтинг-ринга Т. и прочие». В завершении сюжета интернированных лиц отметим, что в середине сентября они были высланы на север Иркутской губернии, в Киренский уезд.

Первые встречи

В течение сентября 1914 г. стало известно о вероятном прибытии в Иркутск большой партии из 25000 австрийских военнопленных, которых планировалось разместить в казармах убывших на фронт русских частей. Причем уже 24 сентября Иркутская городская управа обсуждала возмож-

ность использования военнопленных на городских работах и дала отрицательное заключение. С 29 сентября мимо Иркутска следовали уже отдельные эшелоны с военнопленными, до 1500 человек в каждом.

5 ноября 1914 г. в Иркутске размещены военнопленные: австрийцы и германцы, привезённые с театра войны. Переселенческий чиновник рассказывал Серебренникову, что австрийцы, русины, проезжавшие по станциям Сибирской железной дороги, на одном из вокзалов в Иркутской губернии встретились с группой новосёлов, выходцев из пограничных с Австрией губерний Европейской России. Оказались знакомые. Произошёл любопытный обмен мнениями и выражениями удивления. Русины с большим интересом расспрашивали малороссов. Последние хвалили Сибирь. Один из русинов заметил: «Пожалуй, когда кончится война, и я останусь в Сибири и выпишу сюда свою семью».

Серебренников отмечает удивление военнопленных от сибирского простора, от многочисленности русских солдат в городах Сибири, от дешевизны продовольствия. И в заключении делает оптимистичный вывод: «Пройдёт война, возвратятся пленные домой и поведают землякам, что чёрною неправдою было всё то, что им говорили перед войною о России их начальники и о чём писали в газетах. Они вернутся на родину с сознанием величия русского государства и расскажут длинные повести о добродушии русского героя-солдата. Среди пленных нередко можно встретить социал-демократов, которые с любопытством расспрашивают о *parteigenossen* (партийных товарищей) в Сибири» (Серебренников, 2008. С. 62).

18 ноября. Сегодня штаб главнокомандующего сообщает, что всего за первую половину ноября месяца русскими взято в плен до 50 000 австро-венгерских солдат, при 600 офицерах. Серебренников предполагал, что «Сибирь в скором времени будет наводнена военнопленными».

Поскольку динамика численности военнопленных проанализирована в статистической (Россия в мировой войне, 1925)⁴, научной (Brändström,

⁴ Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М.: Центральное статистическое управление, отдел военной статистики, 1925. [2], 103 с.

1927) и справочно-энциклопедической литературе, сделаем лишь замечание самого общего характера (Новиков, 2014a⁵; Новиков, 2014b⁶; Новиков, 2014с⁷). В Западной Сибири (Омский военный округ) максимальное число иностранцев в заключении пришлось на первые три четверти 1917 г. и превысило 200000 человек (при населении в 9,25 млн человек или 46 на 1), в Восточной Сибири (Иркутский военный округ) – на лето 1916 г. около 200000 (на 3,11 млн жителей или 16 на 1), на Дальнем Востоке (Приамурский военный округ) – на январь 1916 г. до 47000 (на 840000 местных жителей или 18 на 1). Таким образом можно констатировать высочайшую нагрузку от размещения военнопленных на казарменную инфраструктуру Азиатской России. Во 2-й половине 1916 – 1-й половине 1917 г. часть военнопленных была отправлена из Сибири в Поволжье в пределы Казанского военного округа на сельскохозяйственные работы.

Вернемся к запискам И.И. Серебренникова: «13 декабря 1914 г. Стоят крепкие холода. Солнце повернуло на лето, а зима на мороз. Холода, видимо, заставляют пленных сидеть по местам.... Появились и турецкие пленные. Эти пленные имеют крайне жалкий вид и прикрыты какими-то лохмотьями. **Сибирь во всех последних войнах преследует особая удача: во время русско-японской войны с нашею окраиною познакомилось множество землеробов из Европейской России; теперь усиленно знакомится с нею за граница в лице пленных германцев, австрийцев и турок**» (Серебренников, 2008. С. 73).

Спустя два месяца, 12 февраля 1915 г., Серебренников повторил эту же мысль на фоне оценки мирового контекста «Небо земли завлакивается грозными тучами. Просвета не видно. Чуть не еженедельно возникают осложнения

держав: то Японии с Китаем, то Соединенных Штатов с Японией и даже с Германией. Ожидаются выступления Италии, Румынии и Болгарии. А наша далёкая пока от международной борьбы Сибирь наводняется всё новыми и новыми партиями военнопленных: германцев, австрийцев и турок, снабемых вшами» (Серебренников, 2008. С. 91).

21 декабря 1914 г. Поступила в архив копия с письма одного германского пленного солдата. Это – «письмо на родину» весьма трогательно написано. Пленник трижды уверяет свою жену в том, что ему живётся здесь хорошо... «Die Russen sind noch bessere Leute, wie bei uns. Hore, zwei mal am Tage Fleisch, Suppe, Tee, halbes Brot, Zucker. Ich Sage dir, besser Lebt mancher zu Hause nicht»⁸, – пишет своей жене и своим kinderchen пленный. То-то успокоятся они, когда получат письмо от отца. (Серебренников, 2008. С. 75).

23 декабря. Русские нанесли жестокое поражение туркам у Ардагана – вот существенное событие дня. Бог даст, справимся мы и с турками. Пленных турок уже везут в Сибирь. Мне передавали беседу одного из местных жителей с турком из пленных. Турок рассказывал о том, как шла мобилизация в Малой Азии у нашей границы. Приходил в деревню отряд солдат, затем брали списки запасных, шли по домам, арестовывали призываемых в войска, связывали им руки и в таком виде гнали в Эрзерум, где и заперли в казармы. Назавтра выдали одежду и оружие, причём ружья получила только половина солдат. Остальные были отправлены в поход без ружей. Они должны были подбирать ружья у убитых и раненых. Насколько это верно, Аллах ведает. Но все, видевшие турецких пленных, в один голос заявляют, что вид у них самый ужасный: они почти полуголы! (Серебренников, 2008. С. 76).

Удивительный случай как свидетельство гуманизма

Материалы Серебренникова позволяют охарактеризовать и обращение с военнопленными, определив его как гуманное. Подтверждением

⁵ Новиков П.А. Иркутский военный округ // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: Энциклопедия: В 3 т. /отв. ред. А.К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2014а. Т. 1. С. 808–811.

⁶ Новиков П.А. Омский военный округ // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: Энциклопедия: В 3 т. /отв. ред. А.К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2014b. Т. 2. С. 579–580.

⁷ Новиков П.А. Приамурский военный округ // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: Энциклопедия: В 3 т. /отв. ред. А.К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2014с. Т. 2. С. 859–861.

⁸ «Русские живут лучше, чем наши. Послушай, дважды в день мясо, суп, чай, полбулки хлеба, сахар. Говорю тебе, не каждый дома живет лучше».

тому следующий курьезный случай: В Иркутский госпиталь 19 февраля 1915 г. был доставлен, в числе других больных и раненых военнопленных, один больной, видимо, контуженный австриец. Больной находился в состоянии каталепсии. Посадят его, он сидит; положат – лежит; дадут есть – ест, не дадут – молчит и т. д. На все вопросы решительно отвечал русскими словами: «Так точно!» и ничего другого больше не говорил. Однажды после внимательного осмотра больного доктор Б. заметил в гортани его поранение. Больного подвергли рентгеноскопическому наблюдению. Оказалось, что он был ранен пулей в рот, причём пуля засела недалеко от мозжечка, надавливая на последний. Больному сделали операцию и извлекли пулю. После этого он стал несколько приходить в себя и припоминать прошлое. Больной, прежде всего, удивился, что он лежит среди австрийцев и заявил, что он – сибиряк, уроженец Селенгинского уезда Забайкальской области. Рассказал, что помнит последний раз о том, как он пошёл в атаку брать австрийские окопы, и больше этого в памяти его ничего не сохранилось. Предположительно, раненый солдат остался на поле сражения, и затем мог быть раздет мародером. Когда он был найден нашими, то на него могли одеть костюм и шинель с какого-нибудь убитого австрийца. А дальше, благодаря стечению благоприятных обстоятельств и отсутствию у больного сознания, он в суматохе войны был сочтён вообще за австрияка и отправлен под конвоем в Сибирь. «Почти фантастика, если бы это не было действительностью» (Серебренников, 2008. С. 92–93).

Эхо пропагандистских битв

Первая мировая война отличалась ранее невиданным размахом пропаганды всех стран-участников. В Иркутске получили возможность познакомиться с образцами «изобретательного» творчества Германии по воздействию на противников и нейтралов.

15 февраля 1915 г. И.И. Серебренников получил копию одной из немецких прокламаций к русским солдатам. Обращение гласило: «Русские солдаты! Сдавайтесь. Обещаем вам хорошо с вами обращаться. После заключения мира воротитесь свободно на Родину. Дальнейший спор это только бесполезное проливание крови. Берегите

своё здоровье для ваших старых родителей, добрых жён и любимых детей». Читатель обратил внимание на неграмотность составления. 18 февраля доставлены германские прокламации уже на китайском языке, предназначенные для распространения в Китае.

В собиравшийся Серебренниковым «Архив войны» 21 февраля 1915 г. поступили от действительного члена Восточно-Сибирского отдела императорского Русского Географического Общества Федора Кондратовича Боржимского (подъесаула 1-го Читинского казачьего полка Забайкальского казачьего войска, позднее награжденного Георгиевским оружием) 22 объявления, воззвания и прокламации немецкой армии, собранных им в пределах Радомской губернии к концу 1914 года. Примечательно объявление на русском языке, выпущенное немцами при вступлении их войск в пределы Радомской губернии в первых числах августа 1914 г.:

«Гмины (низшие органы власти) городские и сельские в неприятельской области, через которую переходили войска армейского корпуса, должны сейчас исправлять ведущие через их поля и местности государственные и уездные шоссе и вообще другие дороги. Офицеры будут через те главные дороги часто переезжать и убеждаться в этом, действительно ли гмины находятся при работе. Управления местностей и имений, которые не последуют этому приказу, будут потянуты к ответственности и строгому наказанию. Жители края должны в их собственном интересе не допускать к таким мероприятиям. Командующий генерал». Доставлен и польский текст этого объявления.

Прокламация к воинам русской армии гласит следующее: «Воины Русской Армии! Уже тысячи ваших братьев находятся в германском плену. Никто из них не жалуется на свою участь. Все рады, что избежали ужасов навязанной им войны. В покое и безопасности они ожидают того момента, в котором мир позволит возвратиться им на родину. Не верьте распространённым меж вас слухам, что в Германии с пленными обращаются плохо и грубо или даже избивают их. Берегите себя в пользу ваших бедных жён и детей – избегайте бесцельных жертв и сдавайтесь в германский

плен полные доверия. Ваши германские сотоварищи!»

Боржимский затем в письме приводит текст германской прокламации, адресованной к русским солдатам-магометанам и разбрасывавшейся германскими летчиками: «Магометане! Бог говорит в Коране: воюйте за истинного Бога, Он всезнающ и Всемогуш. А Вы, Вы дерётесь и проливаете Вашу кровь в пользу народа, который держит Вас под игом, который мешает Вашей вере и вере Ваших предков, который враг всех магометанских государств и народов. Роумский (Константинопольский) Калиф и Султан уже объявили священную войну против французов, англичан и русских, и все магометанские государства уже начали эту священную войну против этих народов. Германский и Австрийский императоры в союзе с Калифом и наследником пророка (милость и мир Бога с нами!). Ведайте, Вы сотворяете великий грех, если воюете в рядах неприятелей ислама, слушайте нас и ступайте на нашу сторону. Мы Вас со всеми почестями будем провожать в страну Калифа. Поклон и доблесть тем, кто повинуется Богу освещителю. Победоносная германская армия, твёрдо уповающая помощи Бога».

В одном объявлении (на польском языке) от 1 сентября 1914 г. доводится до общего сведения, что германская армия, оперирующая в Западной Пруссии, одержала полную победу над наравскою русскою армией. Армия эта совершенно уничтожена, в плен взято до 50 000 русских солдат, судьбу последних испытали и предводительствующие русские генералы: генерал-лейтенант Алексеев, стоявший во главе XIII армии, и генерал пехоты Мартос, и начальник XV армии⁹ (Серебренников, 2008. С. 93–95). В коллекции Боржимского было много и других объявлений, касающихся жизни городов, занятых германской армией.

⁹ Явная выдумка, разгрому подверглись не 13-я и 15-я русские армии, а 13-й и 15-й армейские корпуса 2-й русской армии и пленены их командиры генерал-лейтенант Н.А. Ключев и генерал от инфантерии Н.Н. Мартос. Алексеев Михаил Васильевич был командиром 13-го корпуса до 19 июля 1914 г., а затем возглавил штаб Юго-Западного фронта и в Восточной Пруссии не был. (Прим. авт.).

Атмосфера глубокого тыла

Обратимся к наблюдениям И.И. Серебренникова за повседневной жизнью в Сибири: «8 марта 1915 г. в Иркутске – без особых перемен. Если бы не закрытие монополек (кабаков), подорожание товаров, прохождение по улицам пленных, то войны было бы совсем незаметно. В театре опера, вечера, концерты. Всюду полно толпы. Убыли в мужчинах не ощущается, по крайней мере, на беглый взгляд. В лошадный мир мобилизация внесла значительные перемены: извозчики почти все ездят на каких-то низкорослых и худых клячах, лихачи исчезли. Хорошую лошадь встретишь у частного лица, и то сызредка. Бегают два-три автомобиля.

10 марта. Стало известно о капитуляции австрийской крепости Перемышль.

11 марта. Никто не ожидал, что в Перемышле нами будет взята в плен такая большая армия, как в 130 000 человек. Ранее Антанта не знала побед с таким количеством пленных.

17 апреля. Пленные австрийские врачи-офицеры гуляют по Иркутску без конвоя. Все же остальные пленные путешествуют обязательно с конвоем. По обязательному постановлению, изданному генерал-губернатором, им запрещён вход в кухмистерские, рестораны, театры и другие места общественных увеселений. Жителям запрещены под страхом наказаний какие-либо разговоры с ними. Население по-прежнему относится к военнопленным весьма дружелюбно. Ожидается прибытие новых партий из-под Перемышля.

8 сентября 1915 г. Штаб Верховного главнокомандующего сообщает, что за последнее время (конец августа и начало сентября) русскими войсками взято в плен свыше 70000 пленных, преимущественно австрийцев. Пока в союзе с нами пойдут дожди, холода, бездорожье – мы продержимся до весны будущего года. А там Россия ринется в бой, достаточно подготовленная. «В это мы должны верить» (Серебренников, 2008. С. 141).

18 июня 1916 г. Мой брат Иннокентий приехал со станции Даурия, где он в качестве унтер-офицера надзирал за военнопленными. По его наблюдениям, поведение австрийцев и германцев различно: германец не прочь «заехать в морду» своему же собрату, и даже «пырнуть ножом»

(были такие случаи), австриец же себе такого удовольствия не позволяет. Те и другие прекрасно осведомлены о течении военных дел. О многих событиях они узнают даже каким-то образом ранее, чем русские. Так, недавно, когда в Даурии еще не было ни газет, ни телеграмм, австрийские военнопленные уже говорили о разгроме их товарищей по оружию армией генерала Брусилова.

26 июня – наступление русских продолжается, пленные продолжают поступать большими партиями. Наступление англичан и французов не дало еще ярких результатов. Таким образом, содержание записок И.И. Серебренникова четко показывает, что известия о взятии военнопленных служили одним из ключевых факторов поддержания оптимизма и уверенности российского населения в тылу.

Военнопленные становятся проблемой – «не желают работать, перестают повиноваться»

С осени 1916 г. появляются тревожные ноты. 20 октября – неразбериха в тылу растет. Возьмем, например, Сибирские каменноугольные копи, которые теперь снабжают углем не только всю Сибирь, но и Урал... Одно время не было на копиях рабочих. В отчаянии копевладельцы завопили об этом и обратились к кому было только возможно, с просьбой дать им рабочую силу. Кто послал им военнопленных, кто китайцев, кто – инородцев. В результате уже кричат «караул»... Черемховские углепромышленники получили уже и военнопленных и китайцев, вполне восполнив недостаток в рабочей силе (Серебренников, 2008. С. 272).

7 февраля 1917 г. – о фронте почти все забывают и думают. Свершилось: к войне привыкли, она вошла в обиход.

8 февраля – моя работа в Заводском Совете дает мне ясное представление о том, насколько обездолен рабочий рынок страны. Стоит сплошной вопль и стон. Китайцы – плохие рабочие, **военнопленные не желают работать**, мобилизованные инородцы бегут с работ. У предприятий – недопоставки, у железных дорог – недогрузки и прочее.

27 февраля – удивительно, как долго Петроград задерживает ответы. Проходит иногда месяц, два, прежде чем получить ответ... Рабочий кризис в Сибири обостряется. У меня теперь слагается

убеждение, что фронт и Европейская Россия стянули к себе всю свободную рабочую силу: военнопленных и инородцев, и на долю Сибири едва ли что-нибудь останется.

22 апреля 1917 г. Да, революция еще только начинается! Докатывается она и до глухих уголков Сибири. Сегодня я получил две телеграммы от директора Уленского(?) медного дела, инженера Деларю, в Минусинском уезде. Первая телеграмма, гласит следующее: «В виду происходящего волнения среди русского населения рудников, устранить которое я лично не в состоянии, пленные, пользуясь этим обстоятельством, **перестают повиноваться**, отказываются от работ, бегут группами с рудников; предпринимаемые меры не приводят к желательным результатам. Положение крайне тяжелое. Что было возможно, сделано. Больше нет сил. Обращался за содействием к комиссарам Минусинска и Красноярска. Помощи нет. Прошу Вашего содействия. При случившемся положении дела, считаю единственным выходом – это отправить пленных в Красноярск. Телеграфируйте Ваше мнение». Другая телеграмма говорит: «Сегодня прибыли 21 киргиз, устроили буйство. Не имея возможности поддерживать порядок новыми средствами, отправил их обратно. Прошу более инородцев из Омска не присылать». Таково положение предприятия, работающего на оборону страны! Теперь бунтуют даже и военнопленные (Серебренников, 2008. С. 336).

В начале 1918 г. из-за демобилизации русской армии вооруженные силы большевиков лишились одной из опор – солдат тыловых частей. Чтобы противостоять разворачивающемуся белому движению, большевики задействовали бывших военнопленных, преимущественно мадьяр (венгров), предложив им вступить в Красную армию. Уже 26 января 1918 г. советские власти вооружили пленных в Заиркутском Военном городке под Иркутском. В Иркутске военнопленные участвовали в обысках и несли охранную службу. Здесь же 2 апреля под председательством венгра И. Фихтера и членов Центросибири открылся Общесибирский съезд интернационалистов, собравший 60 делегатов от Томска до Хабаровска от 250000 военнопленных. Обсуждалось, как иностранцы готовы помочь Советской власти. Съезд решил издавать газету на венгерском и немецком

языках и избрал исполнительный комитет (Агалаков, 1968. С. 115). 12 апреля делегаты разъехались проинформировать избирателей об итогах работы съезда.

«Большевистско-мадьярские войска» следующие мимо Иркутска на Даурский фронт против сил атамана Г.М. Семенова, мадьярские патрули в Иркутске, особый надежный отряд из мадьяр для охраны Центросибири (Центрального исполнительного комитета Советов Сибири) – вот приметы нового времени – времени Гражданской войны. Всего к концу марта 1918 г. действующие силы Советов Сибири насчитывали 900 красноармейцев, 1500 красновардейцев и 1500 интернационалистов, в основном венгров (Познанский, 1973. С. 94). Таким образом, иностранцы составляли до двух пятых войск Центросибири. В условиях, когда альтернативой вступлению в Красную армию была полуголодная жизнь в лагерях или репатриация на Родину и дальнейшая мясорубка Первой мировой войны, оплачиваемая золотом служба большевикам казалась иностранцам верным решением (Новиков, 2005. С. 38).

Записи Серебренникова, образно заключающие тему военнопленных: «Июнь 1918 г. выяснилось, что большевики потерпели под Нижнеудинском жестокое поражение и отступили к Тулуну. В спешном порядке они начали производить эвакуацию Иркутска. Граждане Иркутска продолжали с нетерпением ожидать прихода в город чехословаков. Город к этому времени был уже не столько во власти большевиков, сколько во власти мадьяр, которым приходилось теперь спасать свою шкуру, ибо на город наступали их лютые враги – чехословаки. **Таков каприз истории, запечатленный теперь и великими войсками и великою русскою революцией.** «Если бы я в начале (Первой мировой) войны начал пророчествовать: пройдут четыре года, и на полях Сибири будут яростно сражаться друг против друга народы одного государства, чехи и мадьяры, меня бы признали сумасшедшим. Однако действительность была такова» (Серебренников, 2008. С. 427).

Список источников

Агалаков В.Т. Подвиг Центросибири. Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1968. 152 с.

* * * * *

По сюжету взаимовосприятия иностранных военнопленных и сибирского населения в 1914–1918 гг. можно сделать следующие основные выводы:

Во-первых, встретившиеся стороны восприняли друг друга достаточно благодушно – иностранцы, если верить приведенным свидетельствам, были приятно удивлены и восхищены Сибирью вплоть до появления планов остаться на востоке России после войны. Это же косвенно подтверждает, что местное население не демонстрировало к военнопленным неприязни или враждебности, вело себя дружелюбно, что, учитывая роль части иностранцев в последующей Гражданской войне, вероятнее было отрицательным фактором для «чистоты выбора» будущего России в 1917–1918 гг.

Во-вторых, военнопленные были важным элементом повседневности и общественных настроений в Сибири. Сообщения о большом количестве сдавшихся в плен врагов поддерживали оптимизм и уверенность российского населения в тылу.

В-третьих, тема плена активно использовалась в пропаганде стран-участниц Первой мировой войны, в частности приведены примеры германских обращений к военнослужащим русской армии с призывами к сдаче.

В-четвертых, необходимо комплексно учитывать высочайшую нагрузку от размещения военнопленных на городскую и казарменную инфраструктуру Сибири и Дальнего Востока, чтобы сформировать полное представление об их вкладе в военное строительство и экономическую жизнь России периода Первой мировой войны.

В-пятых, драматичная историческая коллизия, «каприз истории», когда событиями Великой российской революции была перенесена на просторы Сибири давняя межнациональная борьба чехословаков и венгров, заслуживает освещения и осмысления как в контексте мировой истории, так и в рамках рассмотрения Гражданской войны в России.

References

Agalakov V.T. (1968) The feat of Central Siberia. Irkutsk: East Siberian Publishing House. 152 p. (In Russ.).

Ануфриев А.В. Австро-венгерские военнопленные в Иркутске (обзор фондов Государственного архива Иркутской области) // Сибирская ссылка. Сборник научных статей. Иркутск : Оттиск, 2009. Выпуск 5 (17). С. 19–29. EDN: UPBACY.

Ануфриев А.В. Военнопленные мировой войны в Приангарье // Иркутск и иркутяне в Первой мировой войне: исследования и материалы. Коллективная монография. Иркутск : Оттиск, 2014. С. 373–395.

Ануфриев А.В., Козлов Д.В. «Жаль этих славных парней...» (к вопросу о пребывании австро-венгерских военнопленных в Иркутске) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 153–167. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-4-153-167. EDN: WGTMOE.

Вурцер Г. Судьба немецкого военнопленного Первой мировой войны в России: По страницам романов Эдвина Эриха Двингера // Новый часовой. 2004. № 15–16. С. 201–215.

Гаккуев Р.Г. Рапорт французского капитана Поля Пеллио о ситуации в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке зимой 1918 г. // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 1. С. 227–250. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2022.114. EDN: RWMZJK.

Гаккуев Р.Г., Чжан Ю. Китайские добровольцы в Гражданской войне в России: между красными и белыми // Российская история. 2019. № 1. С. 60–71. DOI: 10.31857/S086956870004220-3. EDN: HEGYLO.

Гергилева А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск : Сибирский гос. технологический ун-т, 2007. 124 с. EDN: QPIXGV.

Греков Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь : сборник статей. Омск : Бюджетное учреждение культуры Омской области «Омский государственный историко-краеведческий музей», 1997. С. 154–180. EDN: ZBDIBB.

Двингер Э. Армия за колючей проволокой. Дневник немецкого военнопленного в России 1915–1918 гг. / пер. с немецкого Е.Н. Захарова. М. : Центрполиграф, 2004. 349, [1] с.

Иконникова Т.Я. Использование труда военнопленных на строительстве дорог в Приморском крае в годы Первой мировой войны // Сибирь в истории и культуре народов зарубежных стран : тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции. Иркутск : Оттиск, 1998. С. 45–48.

Иконникова Т.Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918). Хабаровск : Изд-во ГОУ ВПО «Хабаровский гос. пед. ун-т», 2004. (ООО Хабаровское УПП ВОС). 177 с.

Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов на юге и востоке Республики. М. : Наука, 1967. Т. 1. 614 с.

Керсновский А.А. История русской армии. В 4 т. М. : Голос, 1994. Т. 3: 1881–1915 гг. 348, [2] с.

Anufriev A.V. (2009) Austro-Hungarian prisoners of war in Irkutsk (review of the funds of the State Archive of the Irkutsk region). *Sibirskaya ssylka. Sbornik nauchnykh statei = Siberian Deportation. Collection of Scientific Articles*. Irkutsk: Ottisk. Iss. 5 (17). P. 19–29. (In Russ.). EDN: UPBACY.

Anufriev A.V. (2014) Prisoners of war of the World War in the Angara region. Irkutsk and Irkutsk in the First World War: research and materials. A collective monograph. Irkutsk: Ottisk. P. 373–395. (In Russ.).

Anufriev A.V., Kozlov D.V. (2019) "I wish these nice guys..." (the question of the stay of Austro-Hungarian prisoners of war in Irkutsk). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 15. No. 4. P. 153–167. (In Russ.) DOI: 10.21285/2415-8739-2019-4-153-167. EDN: WGTMOE.

Wurzer G. (2004) The fate of a German prisoner of war of the First World War in Russia. Based on the pages of novels by Edwin Erich Dwinger. *New Guard*. No. 15–16. P. 201–215. (In Russ.).

Gagkuev R.G. (2022) A report by French captain Paul Pel-liot on the situation in Eastern Siberia and the Far East in Russia in the winter of 1918. *Modern History of Russia*. Vol. 12. No. 1. P. 227–250. (In Russ.). DOI: 10.21638/11701/spbu24.2022.114. EDN: RWMZJK.

Gagkuev R.G., Chzhan Yu. (2019) Chinese Volunteers in the Russian Civil War: between the Reds and the Whites. *Russian History*. No. 1. P. 60–71. (In Russ.). DOI: 10.31857/S086956870004220-3. EDN: HEGYLO.

Gergileva A.I. (2007) Prisoners of war of the First World War in Siberia. Krasnoyarsk: Siberian State Technological University. 124 p. (In Russ.). EDN: QPIXGV.

Grekov N.V. (1997) German and Austrian prisoners of war in Siberia (1914–1917). Germans. Russia. Siberia: Collection of articles. Omsk: Byudzhethnoe uchrezhdenie kul'tury Omskoi oblasti "Omskii gosudarstvennyi istoriko-kraevedcheskii muzei". P. 154–180. (In Russ.). EDN: ZBDIBB.

Dwinger E. (2004) Die Armee hinter Stacheldraht. Diary of a German prisoner of war in Russia 1915–1918. (Russ. ed.: Army behind barbed wire. Diary of a German prisoner of war in Russia 1915–1918. Moscow: Tsentrpoligraf, 2004. 349, [1] p. (In Russ.).

Ikonnikova T.Ya. (1998) The use of prisoners of war labor in the construction of roads in the Primorsky Territory during the First World War. *Sibir' v istorii i kul'ture narodov zarubezhnykh stran: Tezisy dokladov i soobshchenii Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii = Siberia in the History and Culture of the Peoples of Foreign Countries: Abstracts of Reports and Communications of the International Scientific Conference*. Irkutsk: Ottisk. P. 45–48. (In Russ.).

Ikonnikova T.Ya. (2004) Prisoners of war of the First World War in the Russian Far East (1914–1918). Khabarovsk: Khabarovsk State Pedagogical University. 177 p. (In Russ.).

(1967) Internationalists: Workers of foreign countries are participants in the struggle for Soviet power in the south and east of the Republic. Moscow: Nauka. Vol. 1. 614 p. (In Russ.).

Kersnovskii A.A. (1994) History of the Russian army. In 4 vol. Moscow: Voice. Vol. 3. 1881–1915. 348, [2] p. (In Russ.).

Ланник Л.В. Начало интервенции на Дальнем Востоке в 1918 году через призму интересов Центральных держав // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 1. С. 240–261. DOI: 10.21285/2415-8739-2021-1-240-261. EDN: GEAQHH.

Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполиграф, 2005. 414, [1] с.

Новиков П.А. Сибири ценная потеря: Вечный революционер на чужбине // Родина. 2009. № 4. С. 95–97. EDN: PDQQJF.

Новиков П.А. Список Шиндлера: О роли вещиизма в строительстве нового общества // Родина. 2011. № 2. С. 126–127. EDN: PAQGIJ.

Новиков П.А., Романов А.М. Заготовка жёрнова на собственную шею: Приключения борцов за советскую власть в Сибири и на Дальнем Востоке // Родина. 2011. № 2. С. 98–102. EDN: PAQGGL.

Познанский В.С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1973. 307 с.

Серебренников И.И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск: Издатель Сапронов, 2008. 589, [2] с.

Хипхенов Г.И. Герой должен быть один? Ф. Лавров и Н. Каландаришвили // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 3. С. 150–167. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-3-150-167. EDN: YIJSTZ.

Хипхенов Г.И. Крушение Центросибири: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2022. 611 с.

Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015. 330 с. EDN: VKHOIT.

Шлейхер И.И. Военнопленные первой мировой войны: проблемы пленения, транспортировки и содержания в сибирских лагерях // Из прошлого Сибири. Вып. 4. Ч. 1. Новосибирск, 2001. С. 53–97.

Anufriev A.V., Kozlov D.V., Kaba E. (2021) Prisoners of war and women: between loyalty and treason (gender aspects of captivity during the First World War). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 226–239. DOI: 10.21285/2415-8739-2021-1-226-239. EDN: DNUAEV.

Brändström E. Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien 1914–1920. Verlag: Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft f. Politik u. Geschichte, 1927. XVI, 241 S.

Информация об авторах

Гягкуев Руслан Григорьевич,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Центра военной истории России,
Институт российской истории Российской академии наук,
117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Россия,
e-mail: gagkuev@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1413-6684>

Lannik L.V. (2021) The beginning of the intervention on the Russian Far East in 1918 through a lens of the interests of the Central Powers. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 240–261. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2021-1-240-261. EDN: GEAQHH.

Novikov P.A. (2005) The Civil War in Eastern Siberia. Moscow: Tsentrpoligraf. 415 p. (In Russ.).

Novikov P.A. (2009) Siberia's valuable loss: The Eternal Revolutionary in a foreign land. *Rodina*. No. 4. P. 95–97. (In Russ.). EDN: PDQQJF.

Novikov P.A. (2011) Schindler's List: On the role of materialism in the construction of a new society. *Rodina*. No. 2. P. 126–127. (In Russ.). EDN: PAQGIJ.

Novikov P.A., Romanov A.M. (2011) Harvesting a millstone for your own neck: The adventures of fighters for Soviet power in Siberia and the Far East. *Rodina*. No. 2. P. 98–102. (In Russ.). EDN: PAQGGL.

Posnanskii V.S. (1973) Essays on the history of the armed struggle of the Soviets of Siberia against the counterrevolution in 1917–1918. Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch. 307 p. (In Russ.).

Serebrennikov I.I. (2008) Has suffered a lot of blows. The diary of 1914–1918. Irkutsk: Publisher Saproinov. 589, [2] p. (In Russ.).

Hipphenov G.I. (2018) A hero should be one? F. Lavrov and N. Kalandarishvili. *Journal of Ancient Technology Laboratory*. Vol. 14. No. 3. P. 150–167. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-3-150-167. EDN: YIJSTZ.

Hipphenov G.I. (2022) The Collapse of the Central Siberian Railway. Irkutsk: Irkutsk State University. 611 p. (In Russ.).

Shilovskii M.V. (2015) The First World War of 1914–1918 and Siberia. Novosibirsk: Avtograf. 330 p. (In Russ.). EDN: VKHOIT.

Schleiher I.I. (2001) Prisoners of War: The Problems of Capture, Transportation and Detention in Siberian Camps. *From the Past of Siberia*. Iss. 4. Pt. 1. Novosibirsk. P. 53–97. (In Russ.).

Anufriev A.V., Kozlov D.V., Kaba E. (2021) Prisoners of war and women: between loyalty and betrayal (gender aspects of captivity during the First World War). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 226–239. DOI: 10.21285/2415-8739-2021-1-226-239. EDN: DNUAEV.

Brändström E. Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien 1914–1920. Verlag: Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft f. Politik u. Geschichte, 1927. XVI, 241 S. (In German)

Information about the authors

Ruslan G. Gagkuev,
Dr. Sci. (History), leading research fellow at the Russian
Military History Center,
Institute of Russian History of the Russian Academy of
Sciences,
19, D. Uliyanov St., Moscow 117292, Russia,
e-mail: gagkuev@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1413-6684>

Новиков Павел Александрович,
доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический
университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: novikov710@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2968-7822>

Pavel A. Novikov,
Dr. Sci. (History), Professor, Head of Chair of the History and
Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: novikov710@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2968-7822>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 8 июля 2024 г.;
одобрена после рецензирования 4 августа 2024 г.;
принята к публикации 12 августа 2024 г.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted July 8, 2024; approved after reviewing August 4, 2024; accepted for publication August 12, 2024.